

Т.В. Смирнова

Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник: годы Великой Отечественной войны¹

В первые же дни войны приказами директора музея И.З. Птицына были приняты меры по подготовке к обороне². Из сотрудников созданы звенья – химическое, санитарное, наблюдения и связи, охраны порядка, а также пожарно-восстановительная служба. Звенья возглавляли в основном научные сотрудники. Начались занятия по МПВО³. Директор обязал руководство многочисленных предприятий и организаций, находившихся на территории музея, принять меры пожарной безопасности⁴.

Главным архитектором и начальником Стройучастка, проводившего реставрационные работы в Лавре, был в то время И.В. Трофимов⁵. В первые же дни войны перед реставраторами встали новые задачи. Прежде всего, надо было замаскировать золотые купола. Их замазали краской. А на купол Троицкого собора студент Академии художеств М.В. Потоцкий, проходивший практику, сшил полотняный чехол. Трофимов отзывался о нем как об исключительно талантливом человеке. Вскоре Потоцкий погиб в бою. Имя его было забыто.

Другой первоочередной задачей реставраторов было восстановление сводчатых помещений в Больничных палатах и нижнем ярусе колокольни, проводившееся для того, чтобы укрыть там часть музейных фондов, и обеспечение статической устойчивости некоторых сооружений.

Многие сотрудники были мобилизованы, некоторые выделены в распоряжение городского штаба МПВО. А часть попала под сокращение⁶.

Летом 1941 г. директора музея то и дело вызывали в Москву. Гитлеровские войска стремительно продвигались вглубь страны. Решался вопрос об эвакуации музейных ценностей. Сотрудники спешно упаковали

самое ценное. К 25 июля 42 ящика разного размера были заколочены. В них находились древние иконы, церковные одежды, золотые и серебряные вещи из Ризницы монастыря. В одном из ящиков была тяжелая серебряная рака с мощами преподобного Сергия. Рассказывали потом, что директор хотел выкинуть мощи Преподобного, но пожилые сотрудницы припугнули его, указав на печати, наложенные еще в 1920 году⁷.

Ценности перевезли в Москву, в ГИМ. А 1 октября драгоценный груз был отправлен дальше. На барже в сопровождении директора и его жены вещи благополучно прибыли 22 октября в пункт назначения – город Соликамск Пермской (тогда Молотовской) области. Птицын сдал ценности на хранение директору филиала Русского музея – тот был назначен хранителем специального груза музеев. В Соликамске ящики вскрывали для выборочного контроля. Выяснилось, что часть вещей повреждена гвоздями – гвозди, которыми заколачивали ящики, оказались слишком длинными. Других повреждений не было.

Но не все музейные экспонаты были эвакуированы. Часть вещей в августе 1941 г. Комиссия по проверке ценностей сочла возможным списать как не представляющих музейной ценности⁸. В эту группу вошли 206 икон, 191 предмет из тканей, а также евангелия, деревянные кресты и пр. Медные вещи, в том числе из Абрамцевской церкви, сдали в фонд обороны⁹. А часть предметов упаковали и спрятали в тайниках, сделанных в некоторых зданиях и стенах Лавры. Вещей, подлежавших укрытию, оказалось очень много еще и из-за того, что к музею-заповеднику в августе 1941-го был присоединен в качестве отдела Музей народных художественных ремесел (МНХР).

Формирование данного собрания было начато в 1936 г. З.Я. Швагер, которая была в то время инспектором Управления по делам искусств при СНК СССР. В 1937 г. на этих материалах состоялась большая выставка в залах ГТГ, где были представлены лучшие образцы народного искусства дореволюционного периода, а также произведения современных

художественных промыслов: богородской и кудринской резьбы по дереву, хохломской и городецкой росписи, резной кости Холмогор, Тобольска и Чукотки, лаковых миниатюр Палеха, Мстеры, Холуя и Федоскина, лаковых жостовских подносов. Выставка имела большой успех. Но через некоторое время залы галереи надо было освободить. Выставку назвали Постоянной, однако места для нее в Москве не нашлось. Экспонаты хранили в разных московских музеях, а в августе 1939-го Загорскому музею было приказано в пятидневный срок освободить большую часть Трапезной и два этажа колокольни под экспонаты этой выставки, названной Музеем народных художественных ремесел. Директором была назначена Швагер. МНХР имел 41925 экспонатов, часть из которых находилась на временных выставках в Минске, Ялте и других городах. Библиотека насчитывала 1675 книг, фототека – 1518 негативов и 6592 фотоотпечатка, имелся также научный архив¹⁰.

Когда МНХР был присоединен к музею-заповеднику, то вместе со Швагер в ЗГИХМЗ были переведены сотрудники И.Ф. Казаков и К.А. Цигловская¹¹. После отъезда Птицына с музейными ценностями в эвакуацию Швагер была назначена директором ЗГИХМЗ. Она возглавляла музей-заповедник с октября 1941 – по июнь 1943-го. Благодаря ее хлопотам удалось часть сотрудников прикрепить к столовой и к закрытому распределителю. Другой ее заслугой было то, что в апреле 1943 г. в штат зачислили О.В. Соколову, дочь художника Вл.И. Соколова, и поручили ей записывать воспоминания отца. В результате мы имеем теперь этот ценный источник о его работе в Земских мастерских Сергиева Посада¹².

По данным на февраль 1942 г. в музее работали директор З.Я. Швагер, старший научный сотрудник А.М. Курбатова (Попова), зав. отделом учета и хранения Н.М. Прасолова, хранители фондов И.Ф. Казаков и К.А. Цигловская и научный сотрудник-экскурсовод Е.К. Рабинович (Солнцева)¹³. Условия жизни и работы сотрудников в этот период были очень тяжелы. Залы не отапливались вовсе. Зарплата была крайне низкой: старший научный сотрудник с высшим

образованием получал 375 руб., а охранник – 120 руб. в месяц. Никто не имел рабочих карточек, так что дирекция музея и местком обращались даже к Председателю СНК РСФСР с просьбой выделить дополнительные нормы продуктов для сотрудников музея и работников Стройучастка, проводивших реставрацию. В результате некоторые из них были прикреплены к столовой и закрытому распределителю.

Первоочередной задачей для сотрудников музея было сохранение вещей. Каждое лето они проверяли коллекции, просушивали ткани, предохраняли вещи от моли и жучка¹⁴. Сотрудницы музея А.М. Курбатова и Н.М. Прасолова в ноябре 1942 г. были командированы в Соликамск проверить состояние эвакуированных ценностей. Оказалось, что только ткани немного повреждены мышами. Страшно подумать, какие трудности испытали эти женщины, каким опасностям подвергались, отправившись поздней осенью в разгар войны в такую поездку¹⁵.

Музей считался законсервированным. Тем не менее, уже летом 1942 г. была открыта временная (до возвращения вещей из эвакуации) выставка «История монастыря XIV–XX вв.» и восстановлена довоенная экспозиция «Быт высшего духовенства XVIII в.» в Митрополичьих покоях. Открыли также архитектурный отдел, в котором была показана история всех зданий Лавры и работа по их реставрации. С наступлением тепла вновь стали доступны для осмотра Успенский собор и Надкладезная часовня, а также экспозиция Военно-исторического отдела¹⁶.

В 1941–1942 гг. посетителями музея были в основном бойцы и командиры проходивших через город частей Красной армии, а во время учебного года также школьники¹⁷.

Летом 1943 г. директором музея был назначен В.К. Ряховский. Он стал обвинять Швагер в том, что она якобы семь лет не могла открыть экспозицию. В местной газете по этому поводу появилась заметка, где говорилось, что МНХР долгое время ютился в первом этаже колокольни и частично в

Трапезной. В 1942 г. ему удалось занять некоторые помещения музея-заповедника, но Ряховский применил «по отношению к своему отделу, не желающему освобождать нужные комнаты, своеобразные “меры воздействия”». Начатый ремонт здесь законсервирован, помещение совершенно не подготовлено к зиме. <...> В бывшем помещении сборного пункта, где сейчас (декабрь 1943 г. – Т.С.) размещены ценнейшие образцы, до сих пор открыты окна, большая часть их не застеклена, в комнаты врывается вьюга, всюду холод и запустение. С начала зимы в распоряжение музея предоставлено всего 6 охапок дров. <...> Дело отнюдь не в отсутствии средств, а именно в нежелании примириться с нелюбимым детищем»¹⁸.

Отчасти такое отношение, видимо, объясняется тем, что присоединение МНХР к музею-заповеднику рассматривалось как временное. Но, вероятнее, дело было в чем-то другом. Ряховский явно добивался увольнения Швагер сначала за имевшиеся якобы прогулы, потом, обвинил ее в недостатке экспонатов – 3960 предметов на сумму 95335 руб. 54 коп. и настаивал на передаче дела об ОНХР в следственные органы, а ее саму требовал привлечь к уголовной ответственности и наложить арест на ее имущество¹⁹. Приемка вещей МНХР оказалась исключительно трудоемкой. Инвентарные книги были оформлены не надлежащим образом. Сотрудники музея сталкивались с тем, что, например, игрушка, состоящая из 100 деталей, имела 100 номеров. Возникла очень нервная обстановка. Сотрудники подозревали Швагер в том, что она может какие-то вещи переместить или изъять. А она обвиняла комиссию по приемке в создании колоссальной запутанности, ставящей под угрозу целостность коллекций, и даже в том, что Ряховский уничтожил часть экспонатов²⁰.

Швагер, продолжавшая работать в музее в должности заведующей ОНХР (1944–1945), составила план экспозиции резьбы и росписи по дереву с подробной пояснительной запиской. Однако помещения требовали ремонта, и реализовать замысел не удалось²¹.

Фондовая работа очень осложнилась и из-за того, что в марте 1943 г. горком ВКП (б) мобилизовал главного хранителя Н.М. Прасолову и направил ее партсекретарем в Загорскую артель игрушки им. РККА. В связи с этим пришлось проводить большую работу по передаче фондов²².

После перелома в войне работа музея заметно оживилась. Осенью 1944 г. была открыта выставка тканей XIX в. из собраний Гефсиманского скита, Оптиной пустыни и Троице-Сергиевой лавры. Устроителем выставки был бывший директор музея А.Н. Свирин. Он вместе с В.Н. Шафрановой подготовил текст путеводителя по выставке. При этом для уточнения датировки тканей были использованы литературные источники, в том числе на иностранных языках, модные журналы XIX в. и произведения изобразительного искусства. Сделаны классификация тканей и анализ изменения их орнамента²³. Вероятно, открытие этой красочной выставки было очень своевременным: людям, измученным годами войны, необходимы были яркие впечатления.

Научная работа не прекращалась и во время войны. А.М. Курбатова закончила перевод Вкладной книги монастыря XVII в. и Кормового синодика XVII в., работала также над классификацией записей Вкладной книги, фиксируя на карточки вклады денежные, земельные, лошадьми и пр. (3678 шт.; они не сохранились)²⁴. Ряд работ был подготовлен к печати²⁵. Продолжалась и научная работа по коллекциям ОНХР. Ее осуществляли и сотрудники отдела, и специалисты, приглашенные по договорам: В.Н. Белицер, Т.Н. Грушевская, Л.Н. Зверева, Г.С. Маслова, Е.М. Можаяева²⁶.

Впоследствии удалось издать только краткий путеводитель по музею, подготовленный во время войны ученым секретарем Ю.А. Лебедевой²⁷.

Видимо, по инициативе Лебедевой, являвшейся специалистом по древнерусскому искусству, на апрель 1945 г., к 25-летию юбилею музея, была запланирована научная сессия и выставка, посвященная Андрею Рублеву. По договорам с музеем несколько известных ученых подготовили доклады о

творчестве великого художника и мастеров его круга (М.В. Алпатов, И.Э. Грабарь, В.Н. Лазарев и др.). Подготовка к юбилею велась в соответствии с приказом Управления по делам искусств при СНК РСФСР от 13 июня 1944 г. Однако проведение сессии было внезапно, без объяснения причин отменено. Состоялась только выставка. 18 мая 1945 г. ее посетило 250 художников-делегатов X пленума оргкомитета Союза советских художников²⁸. Был подготовлен к печати альбом «Произведения Андрея Рублева и его современников в Загорском музее-заповеднике» со вступительной статьей И.Э. Грабаря, аннотациями Ю.А. Лебедевой и 48 таблицами. Был составлен и сборник статей о творчестве Андрея Рублева. Но публикация не состоялась.

С 1944 г. стало широко практиковаться приглашение на работу специалистов по договорам. О А.Н. Свирине и В.Н. Шафрановой сказано выше. Для описания икон праздничного ряда Троицкого собора была приглашена Н.А. Демина, описанием экспонатов Митрополичьих покоев занимался Н.Н. Соболев, историей архитектурных памятников – М.А. Ильин²⁹. Масштабную работу по исследованию всех памятников Лавры провел во время войны ученый секретарь постоянной комиссии по реставрации Загорского музея-заповедника В.П. Зубов. Он начал ее еще до войны. На 1 декабря 1941 г. им были составлены сводки документальных данных по крепостным стенам и башням, Троицкому собору, Успенскому собору, Духовской церкви, Трапезной, Ризнице, Экономовскому корпусу, Чертогам, Колокольне, дорогам и мостовым на территории Лавры, прудам, колодцам и водостокам, Западной линии келий. Изыскания были проведены по истории строительства каждого здания, всех переделок, ремонтов реставраций и т.п. В результате создана основа для дальнейшего планомерного развертывания реставрационных работ. На основании этих данных составлены исторические планы монастыря в XVII и XVIII вв.³⁰.

После мобилизации руководителя Стройучастка И.В. Трофимова, главным архитектором и научным руководителем реставрационных работ стал

член Постоянной реставрационной комиссии Н.Д. Виноградов. Он приезжал из Москвы в Загорск каждую неделю³¹. К сожалению, в дальнейшем заслуги Виноградова и Зубова были забыты: в многочисленных книгах В.И. Балдина по архитектуре Троице-Сергиевой лавры их имена почти не упоминаются.

В начале войны реставраторы воспользовались тем, что в связи с эвакуацией освободились многие помещения в крепостных стенах и башнях, прежде занятые жильцами. Там был проведен ряд работ, чтобы обеспечить круговой обход Лавры по стенам и подготовить их к реставрации. Также, благодаря тому, что Педагогический техникум эвакуировался и освободил помещение царских Чертогов, пока их еще не занял госпиталь, удалось провести там обмерные работы.

Были также сделаны некоторые обследования Духовской церкви, Троицкого собора и Никоновского придела, продолжена подготовка проекта реставрации северной части гульбища Трапезной. Профессор П.В. Щусев и инженер Н.А. Бруханский исследовали причины появления трещин в Певческой башне. П.В. Щусев и инженер М.В. Хитровский сделали проект вертикальной планировки территории, необходимый для защиты отреставрированных памятников и хранилищ музея от затекания ливневых вод. Это лишь неполный перечень работ, осуществленных в 1941 г.³²

В конце 1943 г. вернулся И.В. Трофимов. Стройучасток имел только 11 рабочих, из них реставраторов всего 2 человека. Трофимову удалось пополнить штат путем отзыва мастеров из армии и колхозов. Кроме того, он привлек в Лавру специалистов из инженерно-саперных частей Красной армии, расположенных в городе. Так что к концу 1944 г. в штате Стройучастка было уже 24 рабочих, и в реставрации принимали участие 42 военнослужащих.

Огромные трудности в работе реставраторов возникали, прежде всего, из-за того, что на территории музея располагалось множество учреждений и организаций: артель «Красный швейник», комендатура Загорска, военная

автоколонна, ФЗО № 43, «Плодоовощ», Торг, хлебопекарни, ПВО, Педтехникум и др. и жили 600 семей (2500 человек).

Приведем большую цитату из документа, составленного Трофимовым: «Всем этим учреждениям и лицам, находящимся внутри прославленных седых стен, нет никакого дела ни до ценностей русского искусства, ни до истории русского народа. В этом отношении они подобны дикарям. На памятник у них взгляд своеобразный: жильцы рассматривают его как скопление различных, в прямом смысле, строительных материалов, способных удовлетворять их личные потребности, притом совершенно бесплатно и безнаказанно. <...> Безнаказанность за захват помещений и всевозможные разрушения объясняются, с одной стороны, полной инертностью администрации музея, с другой, – благосклонностью и поощрением к этому руководителей г. Загорска. Поэтому в этом “странном” заповеднике царят порядки, явно противоположные идее заповедника. Он широко открыт для всех, в нем каждый может сделать все, что ему угодно. Музей, являясь по смыслу хозяином заповедника, не обладает необходимым авторитетом и, видимо, не может или не желает проявить себя в борьбе за целостность и неприкосновенность врученных ему исторических ценностей. Мало того, иногда деятельность руководителей музея играет в унисон с разрушительной деятельностью населения Лавры. <...>

Ощущая отсутствие хозяина, организации, внедрившиеся в пределы заповедника, чувствуют себя господами положения. Пединститут, водворенный, несмотря на протесты Стройучастка, властью руководителей города в помещение Чертогов, пробивает отверстия дверей и бреши в овеянных временем стенах Чертогов, искажая их художественную сущность. Он же, несмотря на категорическое запрещение со стороны Комитета по делам архитектуры, переделывает церковь в Чертогах под городской театр. Что может сохраниться от памятника архитектуры при таком неестественном приспособлении, и что же за театр получится в результате такого переустройства, учитывая хотя бы только один вопрос: разницу церковной и

театральной акустики? ФЗО № 43 захватывает под кладовую дров помещение в восточной стене, предназначенное под столовую для рабочих-реставраторов и, несмотря на предписания прокурора об очищении, нагло отказывается его выполнить, рассчитывая на обычную безнаказанность. “Красный швейник” самовольно приспособливает часть южной крепостной стены под швальню, заделывая кирпичом на глине амбразуры лоджий. Продовольственные организации рыщут по подвалам в поисках удобного места для приспособления под склады картофеля, капусты и т.п. <...> О деятельности военных организаций говорить много не приходится – они делают все, что заблагорассудится.

Даже сами власти г. Загорска используют для утилитарных целей два памятника начала XVI века, исторически связанных с Лаврой и расположенных на подходах к ней, вне ее крепостных стен. Одна из церквей – Введенская – используется как склад муки и зерна. Другая – Пятницкая – приспособлена и оборудована под вальцовую мельницу. Что при такой ситуации могло остаться от древнего интерьера? Как влияет вибрация мукомольных машин на древние фундаменты и стены? Никого эти вопросы не интересуют.

Население жилого сектора около 2500 человек. Взрослое население рассматривает музей как собственность, и ценность его построек определяет лишь с точки зрения наличия в них материалов, пригодных для личных потребностей. Нужда в топливе – одна из них. Исторически-художественное значение деревянных элементов памятников преломляется в представлении аборигенов как чудесное, сухое и совершенно бесплатное топливо. Огромные опустошения произведены в крепостных стенах, башнях, на чердаках, в лоджиях, перекрытиях и пр. Еще совсем недавно – год–два тому назад в этих помещениях существовали окна, двери, полы, перегородки, перекрытия, лестницы и пр. В настоящее время остался лишь камень, и башни смотрят с укором вдаль пустыми обезображенными глазницами. Старатели не только вынимают древесину, не связанную с основными конструктивными

элементами, но также и часть несущих конструкций, на которых покоятся шатровые покрытия башен. <...> Даже над теми помещениями, в которых живут разрушители, вырезаются части деревянных стропил, очевидно, в твердой надежде, что стропила будут все же вновь восстановлены музеем. В результате над шестым корпусом деформировалась крыша и грозит падением.

В местах общего пользования, коридорах и уборных из окон вынимаются и бесследно исчезают зимние, а подчас и летние переплеты, двери и пр.

Расхищается с крыш и кровельное железо. Растаскивается также кирпич из стен и заготовок Стройучастка, песок, глина, известь, стекло из переплетов, ограждающих помещения реставрационных мастерских, и пр. Учреждения Загорска тоже доходят до полного цинизма – автомобили приезжают за кирпичом, остающимся от разборки при производстве реставрационных работ, и увозят материал в город, направляют рабочих в яму Стройучастка за известковым тестом, заготовленным для реставрационных работ.

Чудесный парк, существующий в Лавре, умирает. Исчез бесследно яблоневый сад в стенах Лавры, вырубленный жильцами-вредителями на дрова. Постепенно отдирают вокруг ствола кору, и деревья гибнут.

Подрастающее поколение вносит свою лепту. Через выбитые подростками стекла они проникли в Трапезную и изъяли фотографии, сложенные в алтаре после экспозиции. Та же участь постигла имущество эвакуированных, сложенное там же. Был ободран и унесен холст, обтягивающий 19 стендов, установленных для бывшей в апреле 1944 года выставки художников Загорска. (Фото потом продавались по 8 руб. за штуку на рынке). Кровли памятников, стекла подвергаются бомбардировке камнями. С белокаменных барьеров сначала сдирается кровельное железо в помощь родителям, промышляющим изделиями из оного на рынке, затем разбирается по частям белокаменная плита, покоящаяся на баляснике, а затем и сам балясник. Они не нужны, потому сбрасываются вниз, причем ряд глаз с любопытством следит за их “интересным падением“. <...> Милиция отпускает

безо всякого взыскания юных правонарушителей, поощряя их к продолжению вредоносной деятельности.

Еще одна темная сторона существования музея – это чрезвычайное загрязнение не только территории, но и самих памятников заповедника. Все ящики для мусора переполнены и не вычищаются, санузлы разрушены, импровизированные помойки устраиваются на каждом шагу. Помои со всевозможными отбросами льются в ливнеспуски, засоряя их, выбрасываются в лоджии крепостных стен, подвалы, проезды, проходы и на площадки. Вся территория и помещения зданий покрыты экскрементами, при этом не только полы, но даже лестницы, подоконники и прочие пустующие помещения. Эти позорные явления выходят не только за стены “Заповедника”, но даже и за пределы русского общества. <...>

Историко-художественный заповедник в описанных выше условиях существовать не может, так как разрушение идет столь быстрыми темпами, что никакой восстановительный процесс не возможен. Единственным спасением является немедленное выселение всех чуждых музею учреждений, освобождение жилого сектора от проживающих в нем семейств и восстановление полной правовой независимости заповедника от руководящих органов г. Загорска».

Этот акт, составленный начальником и главным архитектором Стройучастка реставрационно-восстановительных работ И.В. Трофимовым, был подписан также членами Ученого совета крупными архитекторами и деятелями в области охраны памятников И.В. Жолтовским, И.В. Рыльским, Н.Д. Виноградовым, П.В. Щусевым, Н.Н. Соболевым, архитектором по обмерам Г.Ф. Сенатовым, десятником работ П.М. Даниловым, мастерами А.П. Бугровым, А.М. Бариновым, Ф.И. Герасимовым³³.

Сложившееся положение в значительной степени объясняется тяготами военного времени, но его, безусловно, можно считать и результатом

атеистической пропаганды. Вряд ли кому-либо до 1917 г. пришло бы в голову вести себя в Лавре подобным образом.

В 1919 г. А.В. Луначарский на Первой всероссийской конференции музейных работников говорил: «В настоящее время идет лишь процесс передачи музеев народу, и народ еще мало заинтересован в них. <...> Необходимо возможно скорее соорудить мост от мира детей солнца к миру кротов и доказать массам, что музей для них необходим»³⁴. Однако и за 20 лет решить эту проблему не удалось. Удивительно другое: директор музея В.К. Ряховский, занявший эту должность в июне 1943 г., сам был архитектором, так что, по терминологии Луначарского, принадлежал к «миру детей солнца». Но именно ему в значительной степени и адресована инвектива Трофимова, причем весьма справедливо.

И в этих тяжелейших условиях, когда к тому же были большие проблемы с обеспечением стройматериалами, все-таки продолжилась реставрация Больничных палат и церкви Зосимы и Савватия, начатая еще в 1938 г. после выселения из них 59 семей. Уже в 1944 г. реставрационные работы по ним были в основном завершены – замечательный храм был высвобожден из каменного мешка и обрел первоначальный вид. Было также ликвидировано аварийное состояние стен Духовской церкви, проведены работы по Никоновскому храму. При этом Трофимов нашел древний способ обработки камня, давший, как отметил И.Э. Грабарь «изготовленным белокаменным деталям убедительность и красоту, достойную первоначальных древних образцов»³⁵.

Но львиная доля деятельности Стройучастка в конце войны носила ремонтно-строительный характер. Приходилось прочищать и восстанавливать ливнеспуски, ремонтировать места общего пользования, восстанавливать печи, проводить по требованию городских властей ремонт квартир инвалидов войны и семей военнослужащих на территории Лавры.

Большая неприятность произошла с реставрационно-живописными работами. И произошла она по вине музея. Осенью 1943 г. музей предпринял «за свой страх», как писал Трофимов, реставрацию икон Андрея Рублева и художников его круга. Пригласили реставратора И.А. Баранова на договорных началах со сдельной оплатой труда³⁶. В начале войны иконы были заклеены бумагой. Надо было ее отмыть, но работа началась, когда уже наступили морозы. В теплом помещении недостаточно прогретые иконы реставратор обрабатывал горячей водой. И слой олифы, покрывавшей иконы, стянулся, превратился в сгустки, обнажив часть живописи. Трофимов утверждал, что музейные работники при реставрации не присутствовали, не было даже составлено акта приемки выполненных работ. Реставратор получил 20 тысяч рублей и уехал, оставив иконы в состоянии, требующем немедленной реставрации. Музей спешил восстановить иконостас в Троицком соборе и готов был поставить иконы в таком виде. Но Трофимов воспротивился этому и пригласил другого реставратора – Н.А. Баранова, до 1931 г. работавшего над расчисткой и реставрацией этих икон. Тот выполнил всю необходимую работу: снял сгустки, нанес слой новой олифы³⁷, после чего иконы были экспонированы на выставке, приуроченной к намечавшейся Рублевской сессии. Комиссия Главного управления по охране памятников Комитета по делам архитектуры при СНК СССР осмотрела выставку и признала работу Н.А. Баранова безукоризненной, а его самого специалистом, «по праву считающимся единственным мастером в своей области в СССР»³⁸. Но руководство музея было очень недоволено тем, что все реставрационные работы, включая живописные, в годы войны были сосредоточены в Стройучастке, и считало, что это отразилось на темпах работ.

В годы войны велись и археологические работы. В 1942 г. Г.А. Красноцветов провел раскопки у северной стены Духовской церкви, на месте разобранной часовни Максима Грека. В отчете он объяснял необходимость этого тем, что «недостаточно освещен вопрос об осаде Троице-Сергиева

монастыря, и этот пробел надо пополнить археологическим материалом, который может дать очень много для истории вопроса и обогатить нас новыми знаниями о славном прошлом нашей родины и ее великих троицких патриотах»³⁹. Им были выявлена цокольная часть церкви и обнаружено несколько надгробных плит. Наиболее интересными оказались плиты Антония Дмитровца середины XVI в. и князя Андрея Ивановича Ряполовского 1570 г. Исследования останков были проведены в техно-химической лаборатории ГТГ и в институте Антропологии МГУ, консультации по тканям получены в ГИМ. Красноцветов полагал, что находка плиты Ряполовского позволяла установить, где находилась звонница Духовской церкви. Одно из захоронений он счел могилой Максима Грека, что позднее было поставлено под сомнение.

В ноябре 1944 г. был получен эвакуированный фонд. Ущерб, причиненный войной, оценили в 421496 руб. В эту сумму вошли расходы по упаковке, по эвакуации, восстановлению экспозиции и пр., не считая стоимости вещей МНХР, отправленных перед началом войны на выставку в Минске и пропавших там.

Управление по делам искусств распорядилось открыть к 1 мая 1945 г. постоянную экспозицию⁴⁰. Но удалось сделать только выставку «Андрей Рублев и его современники»⁴¹. Другие выставки задерживались из-за отсутствия холста, фанеры, стекла, краски, рабочей силы, денег⁴².

В конце войны музей посещало много представителей иностранных государств: Англии, Франции, Канады, Новой Зеландии, Австралии, Италии, Швеции, Испании. Но большой рекламной работы музей не вел из-за плохого состояния архитектурных памятников и неудовлетворительной охраны. К тому же в то время был запрещен свободный проезд по железной дороге. Однако в обязанности одного из сотрудников входило немедленно извещать прибывающие в город воинские части о музее. В 1943 г. музей посетило 14,5 тысяч человек, в 1944-м – 20 тысяч, было проведено 500 экскурсий, в 1945 г. – 20 тысяч и 400 экскурсий⁴³.

Перспективные планы новых экспозиций начали строить сразу после того, как наступил перелом в войне. В конце 1943 г. искусствовед профессор Н.Н. Соболев дал предложения по профилю музея. Он считал, что основным следует сделать «показ художественно-исторических памятников архитектуры, живописи, скульптуры и произведений художественной промышленности, собранных в стенах монастыря за все время его исторического существования»⁴⁴. При этом предполагалось, что памятники XV в. будут находиться в Троицком соборе, XVI в. – в Успенском и т.д.

Затем были разработаны тезисы генерального плана, во многом совпадавшие с идеями Н.Н. Соболева. Предполагалось, что будет подчеркнут художественный аспект, а «историко-бытовые, археологические и другие моменты не должны убивать впечатления от уникальных памятников и экспонатов. <...> Включение в экспозицию диаграмм, макетов, карт и т.п. должно быть максимально сокращено и дано в экспозиции второго плана. Материалы, не имеющие непосредственного отношения к истории монастыря, в экспозицию вводить не следует»⁴⁵.

Был провозглашен принцип комплексного показа произведений искусства в органичной связи с их архитектурными памятниками. Отступления допускались только из соображения сохранности вещей: в Ризнице предполагалось сосредоточить наиболее ценные экспонаты, так как ее охрану было легче организовать. Также в архитектурном отделе планировалась экспозиция «Троице-Сергиева лавра в произведениях русских художников». Предусматривался доступ экскурсантов на колокольню вплоть до верхнего яруса. Часть корпусов хотели использовать под гостиницу или базу для туристов⁴⁶.

Таким образом, развитие получила наметившаяся еще перед началом войны тенденция отказа от грубой социологизации экспозиций, обилия в них материалов разъясняющего характера, а также от попыток показать всю историю страны в рамках музейной экспозиции. Безусловно, ценным было

стремление представить коллекции музея в архитектурных памятниках соответствующей эпохи. А в заботе о туристах, предвосхищалось далекое будущее.

Недостатком данной концепции можно считать то, что она замыкалась на истории монастыря. Выставки ОНХР планировались как бы поневоле – раз уж он существует. Не было речи об истории края. Конечно, это можно объяснить массой труднейших задач, стоявших перед музеем, и невозможностью в связи с этим расплыть силы. Но, к сожалению, заложенная в 1944 г. тенденция изучения преимущественно монастыря в ущерб изучению города и края определила направленность работы музея на долгие годы.

В целом можно сказать, что предусматривался возврат к тому музею, который был создан в 1920-е годы Комиссией по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Казалось, что этот план может быть осуществлен: к 1946 г. имелось 1787 кв. м. экспозиционных площадей и 850 кв. м. фондовых⁴⁷. Правда, многие здания требовали существенного ремонта и реставрации, к тому же значительная часть помещений, как и прежде, была занята посторонними организациями и заселена людьми. Но был запланирован большой объем реставрационных работ и архитектурных памятников (Митрополичьи покои, Больничные палаты, царские Чертоги, Духовская церковь и Никоновский придел), и икон, шитья, изделий из металла, тканей, мебели⁴⁸. Так что представлялось вполне реальным осуществить генеральную реэкспозицию основных отделов.

Существенно помешала этому начавшаяся передача зданий Лавры и части музейных экспонатов Московской Патриархии. 4 сентября 1945 г Совет по делам Русской Православной Церкви уведомил Патриарха Алексия, что СНК СССР удовлетворено его ходатайство о предоставлении здания бывшей Московской духовной академии в Лавре, а также об открытии Успенского собора с перенесением туда мощей Сергия Радонежского из Троицкого собора⁴⁹. Но еще раньше, в январе 1945 г., по распоряжению Управления по

делам искусств музей должен был передать в Совет по делам религий (по выбору представителя Патриархии) некоторые богослужебные книги, церковную утварь и облачения⁵⁰. А в апреле 1946 г. архимандрит Гурий (Егоров) принял Успенский собор и предметы культа, находившиеся в нем, с обязательством проводить ремонтно-восстановительные работы на основании существовавшего генерального плана реставрации за счет своих средств. В том же году была передана рака с мощами преподобного Сергия, иконы, паникадила, сосуды, кресты, облачения, богослужебные книги, подсвечники и другие предметы. Письмом от 28 мая Управление по делам искусств дало разрешение на колокольный звон в Лавре.

В октябре 1946 г. новый наместник Лавры архимандрит Иоанн принял Надкладезную часовню, Михеевскую церковь, Трапезную с церковью преподобного Сергия и колокольню. Патриархия обещала приложить все усилия, чтобы привести эти здания в надлежащее состояние, учитывая постановления по охране памятников старины. Реставрационные работы должны были проходить под наблюдением начальника Стройучастка. Оговаривалось, что сотрудники музея в промежутках между дневными службами будут допускаться с посетителями для осмотра колокольни и храмов⁵¹.

В конце 1946 г. Патриархии были переданы Митрополичьи покои и Надвратная церковь. А четыре зала в царских Чертогах перешли к ремесленному училищу⁵². Здания передавали не сразу, а постепенно. Сотрудникам приходилось то и дело перетаскивать фонды, закрывать недавно открытые выставки. Так, фонды ОНХР за год перебрасывали дважды⁵³. Только что оживленно обсуждали, оставлять ли на выставке фелонь Сергия Радонежского, как нужно было передавать ее Патриархии. Вложили силы и средства в реставрацию того или иного помещения и приспособление его к экспозиционным целям, как надо его освободить, как это произошло с Митрополичьими покоями⁵⁴.

Новый директор музея И.И. Белкин пытался отстоять некоторые помещения, указывал, например, на то, что колокольня не принадлежит Успенскому собору и потому не должна передаваться Патриархии. Но все было бесполезно.

Вместе с тем музей без возражений расстался с большим количеством предметов он, считая их не имеющими музейного значения. Даже предлагал передать дополнительно 677 вещей – икон, картин, портретов, литографий и пр., а также 1899 книг (причем без списка)⁵⁵. Охотно согласился музей отдать по просьбе архимандрита Иоанна иконостас из Духовской церкви, а также иконы и портреты церковных деятелей, литографии, фотографии, книги и пр.⁵⁶⁵⁷

В заключение можно сказать, что военный период музей в основном выдержал успешно. Утраты вещей были, но не больше, чем в предшествовавший период. Эвакуация и реэвакуация прошли без потерь. За все это, в том числе и за работу по обслуживанию посетителей в годы войны, 18 сотрудников музея были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

¹ История СПГИХМЗ в период 1928–1941 гг. опубликована: *Смирнова Т.В.* Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника: 1928–1941 // Труды ГИМ. Вып. 149. 2005. С. 414–429.

² Птицын Иван Захарович (1909–1942), из уральской рабочей семьи. Окончил Metallургический техникум, служил на флоте. Поступил на исторический факультет МГУ (1935 г.). Студентом четвертого курса был направлен директором в Загорский музей-заповедник. После того, как благополучно отвез музейные ценности в эвакуацию, был призван в морскую пехоту и летом 1942 года погиб в одном из боев подо Ржевом.

³ Архив СПМЗ. ОК. Приказы от 25.06.41 и 04.07.41. Еще до начала войны в Музее объявлялись учебные воздушные тревоги (Приказы от 04. 04.41 и 15. 05. 41).

⁴ Там же. ОК. Приказ от 08.08.41.

⁵ Там же. НА–65. *Виноградов Н.Д., Зубов В.П.* Отчет о реставрационно-восстановительных работах Загорского музея в 1941 г. Л. 1.

Трофимов Игнатий Викентьевич (1906–2002), архитектор, реставратор, почетный гражданин Сергиева Посада. Окончил архитектурный факультет Политехникума им. Врубеля в Омске (1928 г.), проходил службу на флоте, окончил архитектурный факультет Академии художеств в Ленинграде (1937 г.). С 1939 г. работал по реставрации архитектурного ансамбля Лавры. Разработанный Трофимовым план реставрационно-восстановительных

работ был направлен с соответствующим ходатайством в СНК РСФСР, в результате музей был передан в ведение Управления по делам искусств при СНК РСФСР (постановление от 17.11.1939), а весь комплекс строений Музея в черте древних крепостных стен был объявлен Загорским историко-художественным музеем-заповедником (постановление СНК РСФСР № 42 от 01.02.1940). В 1940 г. Трофимов был назначен научным руководителем и главным архитектором реставрационных работ. В сентябре 1941 г. был призван в армию, осенью 1943 г. его демобилизовали как специалиста-строителя, и он продолжил руководство работами в Лавре. Им проведена реставрация шатровой церкви Зосимы и Савватия и Больничных палат, большой объем работ выполнен по Трапезной и другим строениям монастыря. В 1950 г. Трофимов перешел на работу по проектированию новых зданий. После выхода на пенсию, с 1979 г. активно работал на общественных началах во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры. Он автор книги «Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. Исследование и реставрация» (М., 1961).

⁶ Архив СПМЗ. ОК. Приказы от 23. 06. 41 и 24. 06. 41.

⁷ Там же. Д. 2/62. Л. 2, 3, 22, 31, 39–41, 63.

⁸ Там же. Д. 2/57. Л. 17–20, 24–28 об.

⁹ Там же. Д. 2/57. Л. 21–23.

¹⁰ Там же. Д. 2/82. Л. 1–2 об; 2/65. Л. 11, 12; НА–1/72а. Л. 5.

¹¹ Казаков Иван Федорович (1876–1966) был незаконнорожденным сыном бывшей крепостной крестьянки, служившей в Москве в прислугах. Мать отправила его сначала в деревню к родственникам, потом он оказался в приюте. Получил там начальное образование, а с 12 лет уже работал в конторе шерстоткацкой фабрики Товарищества Р.Д. Мартынова с сыновьями. Был счетоводом, продавцом. Хозяйева даже посылали способного подростка с товаром на Нижегородскую ярмарку. Потом назначили руководителем строительных работ (мы бы сказали «прорабом»), когда ему было всего 20 лет. После того как фабричные корпуса перестроили под жилье, его поставили управляющим этими домами. И вот тогда только, в 22 года он исколотал свою фамилию на документы. Как незаконнорожденный до этого носил фамилию крестного отца.

Потом удалось перейти на такую же службу к другим купцам. Тут появилось больше свободного времени. И в 30 лет он поступил в только что открывшийся Московский археологический институт. Принимали туда лиц уже имеющих высшее образование, но вольнослушателем за плату мог быть любой, пройдя собеседование. Это учебное заведение имело трехлетний срок обучения. Казаков окончил его и получил звание ученого архивиста. Однако это не изменило его статуса. По-прежнему он работал управляющим домами, а когда началась Первая мировая война, занялся устройством в одном из подведомственных ему помещений хирургического лазарета и стал его попечителем.

Вероятно, предвидя грядущие перемены, в 1916 году он купил небольшой домик в Сергиевом Посаде. В 1918-м нашел работу на Ярославской железной дороге. Работал бухгалтером, получил инвалидность по зрению и перешел на работу в инвалидную артель. Только в 1939 году в 60-летнем возрасте смог он осуществить свою мечту и найти применение тем знаниям, которые когда-то получил в Археологическом институте: он был принят старшим научным сотрудником в музей народных художественных ремесел.

В августе 1941 г. Казаков остался единственным мужчиной в коллективе научных сотрудников музея-заповедника. Остальные были или мобилизованы, или уволены по

сокращению штатов. Огромной его заслугой стало спасение экспонатов Музея-усадьбы Абрамцево. Он вывез их в начале войны, когда усадебный дом был занят под госпиталь, и замуровал в нижнем ярусе лаврской колокольни. Там они и оставались до мая 1945 года. В Абрамцево вещи были возвращены в 1948–1950 гг. Правда, некоторые медные предметы из Абрамцевской церкви, как и медные вещи музея-заповедника пришлось сдать в фонд обороны.

Казаков проработал в музее-заповеднике 15 лет старшим научным сотрудником, заведующим отделом народного художественного творчества, в конце – библиотекарем. Продолжал водить экскурсии. Вышел на пенсию в возрасте 78 лет, но и после этого к нему продолжали обращаться за консультациями.

В первые послевоенные годы он успел собрать очень ценные сведения о резчиках миниатюристах Сергиева Посада, в том числе получив их и от представителей семей, прославивших это ремесло: Црульниковых и Хрустачевых. Также записал он биографии резчиков по дереву и токарей, в том числе и автора матрешки В.П. Звездочкина.

Цигловская Клавдия Александровна (1892–?), жила в Торжке, окончила там профессионально-техническое училище по вышивке, работала инструктором по этой специальности в различных учреждениях Петербурга (Ленинграда), Ярославля и Москвы. В марте 1941-го была принята в Музей народных художественных ремесел, в августе переведена в Загорский музей-заповедник хранителем фондов. На ее хранении находились ткани, изделия из кости, металла, керамики, лаковые изделия. Ушла из музея в марте 1945 года.

Швагер Зельма Янисовна (1901–1978), член РКП (б) с 1916 г. Прибыла она вместе с латышскими стрелками в Москву в 1920 году, работала в ВЧК. В 1937–1938 гг. иностранцев, находившихся на территории Союза, стали считать шпионами. Расстрелы латышей начались в конце 1936 года. В этом году Швагер перешла на работу в Комитет по делам искусств при Совнарком РСФСР инспектором по народному творчеству и художественной промышленности. Много времени проводила в экспедициях по сбору произведений народного искусства в глухих местах Поволжья. Возможно, что специально постаралась в то опасное время быть подальше от Москвы. Была назначена директором постоянной выставки народных художественных ремесел и художественной промышленности, названной в 1940 г. Музеем народных художественных ремесел.

В 1941–1943 гг. работала директором Загорского музея-заповедника (1941–1943), заведующей отделом народных художественных ремесел музея-заповедника (1943–1945). Новый директор добился ее увольнения в апреле 1945 г.

¹² Архив СПМЗ. НА–5. Воспоминания о кустарных промыслах Загорска. 1902–1913.

¹³ Там же. НА–1/87. Л. 2 об.–3, 5. Курбатова (Попова) Анна Михайловна (1891 –?), родилась в Уфимской губернии. Родители из бывших дворовых господ Татишевых, отец был сторожем, мать – поденщицей). После смерти матери ее воспитывала сестра, работавшая прислугой. С помощью сестры и на трехрублевую стипендию она окончила 5 классов женской гимназии в г. Мензелинске Уфимской губернии и экстерном сдала экзамены за 7-й класс. Работала учительницей. В 1919 г. поступила на историческое отделение филологического факультета Иркутского университета и одновременно работала в Иркутском музее. Все родные ее умерли во время голода 1920–1921 годов: отец, дети –

шестимесячный сын и дочь в возрасте одного года трех месяцев, восьмидесятилетняя свекровь. Сама она во время Гражданской войны болела сыпным тифом. После окончания университета в летние месяцы 1921–1924 годов собирала сведения в низовьях Ангары по истории заселения края и быту населения, а в 1924–1928 годах работала в Бурятмонголии, изучая забайкальских старообрядцев. Занималась в библиотеках и музеях Москвы и Московской области, собирая и оформляя материалы о забайкальских семьях (1923–1929). В 1926 году окончила краткосрочные музейные курсы Главнауки.

В Загорский музей была принята в 1929 г. старшим научным сотрудником. В 1944 году назначена заведующей историко-художественным отделом, а затем главным хранителем фондов (1946–1954 гг.), далее, до выхода на пенсию, работала старшим научным сотрудником. Уволилась в 1958 году. Изучала архив Троице-Сергиевой лавры и коллекции музея, разрабатывала планы экспозиций, готовила экскурсоводов, читала лекции и пр. Ею подготовлен к печати ряд научных работ: «Крестьянская война под руководством Разина и Троице-Сергиев монастырь», «Крестьянские войны и Троице-Сергиев монастырь», «Польско-литовская интервенция XVII и Троице-Сергиев монастырь», «Ткани и шитье Загорского музея». Написана брошюра «Защита Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских захватчиков в 1608–1610 годах», получившая хорошие отзывы профессора, Н.Н. Соболева и бывшего директора Сергиевского музея А.Н. Свирина. На основании изучения монастырской Описи 1641–1642 годов и Вкладных книг монастыря ею была подготовлена кандидатская диссертация «Хозяйство Троице-Сергиева монастыря в XVII веке». Много работала она над архивными документами XVII века: Вкладной книгой монастыря и Кормовым синодиком. Во время войны закончила перевод Вкладной книги 1641 года. Изучала и классифицировала вклады, записывая на карточки вклады денежные, земельные, лошадьми и пр. (3678 каточек). В музее еще работают люди, которые виде ли эти каточки, валявшиеся на подоконниках. Курбатова получила за свою многолетнюю работу много благодарностей, в том числе знак Министерства культуры в связи с уходом на пенсию. Но научные работы ее не сохранились. Единственная ее опубликованная статья, кроме материалов в местной газете, это «Надписи на произведениях иконописи XIV–XVII веков» (Сборник «Труды Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника». М., 1958.). В ней Курбатова писала о том, что ей удалось обнаружить и прочесть надписи на 37 иконах, что стало возможным после реставрации икон.

Прасолова Наталья Михайловна (1900 –?), из крестьян. Окончила сельскую школу, в 1920-м вступила в комсомол, окончила совпартшколу (1926 г.), затем Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу (1934 г.), в основном была на партийной работе в разных местах. В августе 1941 г. направлена в Загорский музей в качестве главного хранителя. После перерыва (1943–1946 гг.) снова работала в музее хранителем фондов народного творчества. Ушла на персональную пенсию в 1961 г., получив благодарность безупречную добросовестную работу и знак Министерства культуры СССР.

Рабинович (Солнцева) Елена Константиновна (1902–?), родилась в Сергиевом Посаде, в семье извозчика. Окончила частную гимназию Е.М. Цветковой, училась в Институте народного образования. Была одевальщицей кукол, закройщицей и мастером одевавшегося цеха артели им. РККА (1929–1938). В Загорском музее работала с 1939 г. экскурсоводом, научным сотрудником, хранителем отдела XVIII–XIX веков. Ушла на пенсию в 1960 году, проработав в музее без перерыва 21 год.

¹⁴ Архив СПМЗ. НА–1/86. Л. 4; 1/89. Л. 4.

¹⁵ Там же. Д. 2/65. Л. 7–8, 10, 14, 18; 2/67. Л. 2–2 об; Архив СПМЗ. ОК. Приказ от 12. 11. 42.

¹⁶ Там же. НА–1/86. Л. 1, 2; 1/89. Л. 3.

¹⁷ Там же. НА–1/87. Л. 2; 1/88. Л. 7; 1/90. Л. 3.

¹⁸ Там же. НА–1/121. Л. 1. «Шаг на месте (о двух музеях)» // газета «Вперед», от 04.12.1943 г.

¹⁹ Архив СПМЗ. ОК. Приказы от 02. 03. 44 г. и 12. 04. 44 г; Инв. 2/72. Л. 1–2, 56–124; 2/82. Л. 3.

²⁰ Архив СПМЗ. Д. 2/72. Л. 1–2, 14–14 об.; 2/82. Л. 1–3.

²¹ Там же. НА–1/95. Л. 10–15 об.; 1/100. Л. 4.

²² Там же. НА–1/90. Л. 3а.

²³ Там же. НА–1/100. Л. 4; 1/96. Л. 60–66; НА–89. *Шафранова В.Н.* Примерная классификация типов орнаментированных тканей (шелк, парча) и перспективный обзор материалов о тканях XIX века (по коллекциям быв. Троице-Сергиевой лавры и Музея НХР).

²⁴ Там же. НА–1/86. Л. 6, 7; 1/90. Л. 4; 1/106. Л. 13 об., 16 об.

²⁵ Там же. НА–79. *Курбатова А.М.* Защита Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских интервентов в 1608–1610 гг.; *она же.* Хозяйство Троице-Сергиева монастыря в XV–XVIII вв. (работа не сохранилась). НА–49. *Зубов В.П.* Архитектурные памятники Троице-Сергиевой лавры. (Опубл. в Троицком сборнике 2002. № 2, С. 372–408)

²⁶ Там же. НА–35. *Белицер В.Н.* Народное творчество башкир. 1944; НА–36; *она же.* Узорное тканье и вышивка удмуртов. 1944; НА–8. *Грушевская Т.Н.* Народная резная игрушка деревни Богородской. 1941; НА–9; *она же.* Богородские мастера. (Б. д.); НА–10; *она же.* Биографии богородских мастеров. 1943; НА–12; *она же.* Описание сказок богородского резчика Ерошкина Н.А. 1943–1944; НА–26. *Зверева Л.Н.* Орнамент и техника вышивки русских районов РСФСР. 1941; НА–29. *Маслова Г.С.* Собрание художественного текстиля МНХР. 1941; НА–30; *она же.* Вышивка Каргопольщины. 1945; НА–24. *Можяева Е.М.* Опыт сравнения форм глиняных коней МНХР. 1942; Инв. НА–25; *она же.* Описание украинских, каргопольских, дымковских глиняных игрушек МНХР. 1942–1943; НА–79. *Деньшин А.И.* Дымковская народная глиняная игрушка. 1945.

²⁷ *Лебедева Ю.А.* Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник. Краткий путеводитель. Загорск, 1947.

Лебедева Юлия Александровна (1893-1962), искусствовед. Закончила историко-филологический факультет Петроградских женских курсов и изоотделение Института истории искусств, работала в этом Институте, затем в Академии художеств (Ленинград). В 1937-1938 гг. - ученый секретарь Загорского музея. В 1939-1941 гг. - зав. отделом Русского музея. В эвакуации работала в Наркомпросе и Музее истории и искусства Узбекистана. В декабре 1943 г. вызвана Управлением по делам искусств РСФСР на работу в Загорском музее-заповеднике на должность ученого секретаря и зам. директора по научной работе и работала в ЗМЗ в 1944-1948 гг. Вернулась в Ленинград на должность зав. секцией прикладного искусства отдела древнерусского искусства Русского музея. Автор книги «Древнерусское искусство X–XVII веков» (М., 1962).

²⁸ Архив СПМЗ. НА–1/97. Л. 5–8; 1/121. Л. б/№.

²⁹ Там же. НА–71. *Ильин М.А.* Духовская церковь. Машинопись; НА–72. *Он же.* Старая трапезная. Машинопись. 1944 г.

³⁰ Там же. НА–46, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 158, 159, 160.

Зубов Василий Павлович (1900–1963), доктор искусствоведения, историк науки, автор многочисленных трудов по истории архитектуры, искусства, философии и других наук. В 1938 г. был привлечен по предложению А.В. Щусева к работам по реставрации лавры, с 1940 г. являлся ученым секретарем Ученого совета для научного руководства и наблюдения за выполнением этих работ. Изучив архивы и другие письменные источники, подготовил документацию по всем памятникам архитектурного ансамбля Лавры, необходимую для проведения реставрационных работ.

³¹ Виноградов Николай Дмитриевич (1885–1980), архитектор. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (1915 г.), был ученым секретарем комиссии «Старая Москва». В 1918 г. возглавлял Комитет по охране памятников Моссовета. Участвовал в реставрации памятников Москвы, в том числе башен Кремля и Благовещенского собора в Кремле. С 1934 г. работал в Академии Архитектуры. Во время Великой Отечественной войны составил описание всех зданий Троице-Сергиевой лавры, отметил их техническое состояние. Им была издана книга «Троице-Сергиева лавра» (М., 1944) в серии «Сокровища русского зодчества». Являлся членом комиссии по осмотру и восстановлению разрушенных во время войны городов. Стал первым директором Музея архитектуры им. А.В. Щусева.

³² Архив СПМЗ. НА–65. Виноградов Н.Д., Зубов В.П. Отчет о реставрационно-восстановительных работах в ЗМЗ. Л. 1–9.

³³ Архив СПМЗ. НА–66. Рапорт о произведенных на 01.12. 44 г. реставрационно-восстановительных работах в Загорском музее-заповеднике. Л.1–1 об. Акт от 15. 11. 44. Л. 2–22.

³⁴ *Закс А.Б.* Речь А.В. Луначарского на конференции по делам музеев // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 213.

³⁵ Архив СПМЗ. НА–66. Рапорт начальнику Управления по делам искусств при СНК РСФСР Н.Н. Беспалову. Л. 4.

³⁶ Баранов Иван Андреевич (1889–1971), художник-реставратор, работал в ГТГ (1930–1963). Брат реставратора Николая Андреевича Баранова.

³⁷ Архив СПМЗ. НА–66. Рапорт. Л. 12–13.

³⁸ Архив СПМЗ. НА–66. Протокол заседания Гос. Комиссии Главного управления по охране памятников Комитета по делам архитектуры при СНК СССР от 5. 11. 1944 г. Л. 5.

³⁹ Там же. НА–70. Археологические раскопки, проведенные на территории Троице-Сергиевой лавры в 1942 г. Л.1–18.

⁴⁰ Там же. Д. 2/70. Л. 1–5, 11; 2/73. Л. 6; 2/74. Л. 29; 2/66. Л. 2..

⁴¹ Там же. НА–1/106. Л. 13.

⁴² Там же. НА–1/110. Л. 1.

⁴³ Там же. НА–1/110. Л. 13; 1/90. Л. 7; 1/134. Л. 41.

⁴⁴ Там же. НА–1/89. Л. 7–8.

⁴⁵ Там же. НА–1/96. Л. 1–3 об.

⁴⁶ Там же. НА–1/114. Л. 4–7 об.

⁴⁷ Там же. НА–1/104. Л. 1–2.

⁴⁸ Там же. НА–1/107. Л. Л.2–4, 13; 1/103. Л. 6; 1/106. Л.18.

⁴⁹ Русская Православная Церковь в советское время. М., 1995. Кн.1. С. 365.

⁵⁰ Архив СПМЗ. Д. 2/73. Л.1–2.

⁵¹ Там же. Д. 2/77. Л.1–8, 12, 18–32; 1/116. Л.8–8 об., 14, 20, 49.

⁵² Там же. НА–1/134. Л. 7; 1/122. Л. 4.

⁵³ Там же. НА–1/122. Л. 12.

⁵⁴ Там же. НА–1/113. Л. 5–8.

⁵⁵ Там же. НА–1/116. Л. 51–73.

⁵⁶ Там же. НА–1/117. Л. 37.

Доклад прочитан на Забелинских научных чтениях ГИМ 10.12.2014. В печати.